

Татьяна Семеновна Садова

Россия, Санкт-Петербургский государственный университет

«Холодная война» в кавычках: фиксация устойчивого выражения в русском публицистическом тексте

Ключевые слова: семантика кавычек, метаязыковая рефлексия, политический термин, коммуникативная функция.

Key words: semantics of quotation marks, metalanguage reflection, political term, communicative function.

Abstract

The article discusses the semantic conditions for quotation mark when using the word combination «Cold War» in Russian-language journalistic and literary texts from the 1950s to the beginning of the 21st century. Various options for the graphic expression of the stable word combination «Cold War» are analyzed from the point of view of the semantics and pragmatics of the text.

Этапы вхождения иноязычного слова (выражения, даже семантической кальки) в речевой обиход другого языка часто свидетельствуют об эволюции отношения его носителей к самому явлению, выраженному заимствованной речевой единицей. Разность восприятия предмета обозначения, которая неизбежно отражается на «языковом поведении» слова в принимающем языке, может быть проявлена на многих языковых уровнях. Показательна в этом смысле и письменно-графическая фиксация новой лексической единицы в разные периоды своей адаптации в новом для себя языке [Golev 2013: 13–14].

Выражение «холодная война» как калька с английского «cold war», с момента своего появления в русском языке конца 40-х гг. XX в. [Nadžafov 2003: 84], сразу стало источником множества речевых аллюзий – и культурного, и социально-политического характера. И это неудивительно: и «война», и «холодный» – слова в русском языке чрезвычайно употребительные и частотные, каждое из них ко времени образования нового «лексического союза» имело

долгую и весьма разнообразную речевую жизнь, что неизбежно отразилось на развитии общей семантики устойчивого словосочетания, а в дальнейшем – и семантического расширения исходного значения.

Как следствие, очень скоро «холодная война», помимо основного, социально-политического, терминологического значения ('политика, заключающаяся в нагнетании напряженности, враждебности в отношениях между странами'), приобретает и другое, почти повседневное ('всякая ссора и вражда'), причем как в нейтральном, так и стилистически маркированном контексте, часто – с ироническим оттенком: *Но в создании и поддержке этой «холодной войны» виновато было начальство* [В.А. Маклаков, *Из воспоминаний* (1954)]; *У меня дома такая идет холодная война, лучше не спрашивай* [Д. Гранин, *Искатели* (1954)]; *У них свои комнаты, мимо которых Кузнечик старается не ходить. Стая Певчих находится в состоянии «холодной войны» с Хламовными. Обитателей Проклятой комнаты такие мелочи не волнуют* [М. Петросян, *Дом, в котором...* (2009)]¹ (здесь и далее выделено мной – Т.С.).

Семантическую почву для такого расширительного употребления исконно политического термина подготовило, прежде всего, слово «война», точнее – история его семантических накоплений, явившихся, в свою очередь, следствием исходной синкреты этимологического комплекса значений.

Очевидно, что всякое ключевое слово национальной речевой культуры, обладая глубинным символическим содержанием², на каждом временном отрезке своего существования обнаруживает как «собственное значение», имеющее отношение к данному времени, так и переносное, а в «единстве этих значений указывает на нечто третье, что создает значение общее», символическое [Kolesov 2002: 16].

Известно, что «война» – слово общеславянское [Fasmer 1986, I: 335], в современном русском языке имеющее основное значение 'вооруженной борьбы между государствами' [Ožegov 1990: 97]. Его давно используют и в случаях, когда необходимо подчеркнуть непримиримость всякого противостояния, всякого конфликта, возникающего между людьми: *Подсолнечное масло тут вот при чем, – вдруг заговорил Бездомный, очевидно, решив объявить незваному собеседнику войну* [М.А. Булгаков, *Мастер и Маргарита*, часть 1 (1929–1940)]; *Тайная война между Коржаковым и Чубайсом за влияние на Ельцина и за контроль над финансовыми потоками принимала все более ожесточенный характер* [В. Баранец, *Генштаб без тайн. Книга 2* (1999)].

В «Словаре русской ментальности» В.В. Колесова при слове «война» фиксируется 19 самых частотных эпитетов (в том числе и «холодная»), что

¹ Текстовые иллюстрации (здесь и далее) – из Национального корпуса русского языка, <http://www.ruscorpora.ru>; 12.02.2020.

² Показательно высказывание В.В. Виноградова «Слово – это символ»; по [Roždestvenskij 1995: 54].

свидетельствует о множественности образных форм концепта войны в русских текстах – от «тайной», «жестокой» и «варварской» до «праведной», «яростной» и «справедливой». Само же слово «война» предстает в полноте своих прямых значений, накопленных в течение долгой речевой жизни: это «вооруженная борьба между народами за сферы влияния и богатства, раздор и ратное противостояние воинства с целью защиты своего государства войском, победы над противником или утверждения воином правого дела в бою» [Kolesov 2014, I: 120].

Прилагательное «холодный» имеет не меньшую в сравнении с определяемым словом «война» употребительность: в «Частотном словаре русского языка» это прилагательное отмечено повышенной частотностью, причем без стилистических и иных ограничений [Lâševskaâ, Šarov 2009].

Неудивительно поэтому, что «холодная война» входит в речевой обиход достаточно стремительно – и в силу важности политического явления, актуального для СССР тех лет, и по причине собственно языковой «привычности», а также содержательной ясности этого выражения. Показательно, что в публицистике 40–50-х гг. XX в. фиксируется и новообразование «горячая война», принужденное выступать в качестве антонимического к сочетанию «холодная война», хотя до появления переводного выражения необходимости в нем, как известно, не было.

Появление и закрепление в языке (по сути) плеонастического сочетания «горячая война» объясняется рядом причин. Во-первых, действует естественный языковой механизм: сочетание из двух частотных слов русского языка, включенных в обширные лексические системные отношения, неизбежно актуализирует эти отношения на новом семантическом поле. Поэтому столь активно создаются новые антонимические, синонимические к «холодной войне» номинации, т.е. «холодная война» начинает легко вступать в системные связи (антонимические, синонимические, семантико-контекстуальные) с иными словами, имеющими отношение к словам «война» и «холодный»: *Мама, а летом холодной войны не бывает?* [К.И. Чуковский, *От двух до пяти* (1933–1965)]; *Еще недавно, думая о ней, я сравнивал ее с Багирой, воспоминания о которой согревали меня в затянувшейся холодной войне с Лилей* [Б. Левин, *Блуждающие огни* (1995)]; *Мы оказались жертвами агрессии нового типа информационной (т.е. холодной) войны* [В. Авилов, *Сибирский кулак* (2004) // «Боевое искусство планеты», 2004.09.09].

Нюансы отношения к «холодной войне» можно увидеть и в способах письменного-графического представления сочетания: либо в кавычках – либо без них, либо с заглавной буквы – либо со строчной. Подобные варианты написания встречаются в литературе и СМИ по сегодняшнее время: *У холодной войны – достаточно примитивная логика: что плохо для СССР, хорошо для США, и наоборот* [А. Яковлев, *Омут памяти*, т. 1 (2001)]; *Пик развития волонтерского движения пришелся на годы самого жёсткого противостояния*

времен *«холодной войны»* [Б. Руденко, *Волонтеры* // «Наука и жизнь», 2009]; *В период Холодной войны в глазах политиков по обе стороны от линии фронта ядерная физика была наукой ядерного оружия* [Г. Горелик, *Послесловие: между прошлым и будущим. Кризис фундаментальной науки?* // «Знание – сила», 2013].

Постановка кавычек – важный знак восприятия языковой единицы в русском письменном тексте [Zalíznák 2007]; зачастую выступая в роли метаязыкового оператора, этот знак «способен передавать большой спектр коммуникативно актуальных смыслов» [Žukova 2014: 87]. Как правило, в кавычки заключается слово (или выражение), употребленное не в прямом, часто – окказиональном – значении, а также слово, имеющее иронический оттенок, как бы обратный в оценочном регистре смысл.

Из традиционно выделяемых четырех функций кавычек в русском языке [Švarcokpf 1997: 374] сочетание «холодная война» реализует, как будто, две из них: во-первых, это указание на вторичную мотивированность вполне допустимого словосочетания, и безусловное желание авторов первоначальных публикаций привлечь внимание к этому новому политическому термину.

Следует лишь отметить, что сочетание «холодная война», созданное как лексико-семантическая калька английского «cold war», с самого начала имело закавыченное написание, целиком копируя графический облик иноязычного новообразования, возникшего в англоязычной прессе 1940–50-х гг. по следам знаменитой речи У. Черчилля в Фултоне (5 марта 1946 г.) [Šubin 2013].

Любопытно в этом отношении то, что исконные кавычки этого политологического термина постепенно становятся факультативным графическим знаком. Означает ли это детерминологизацию сочетания, или это изменение отношения (коллективного носителя языка) к факту холодной войны как явлению неординарному?

Показательны контексты 50-х гг. XX в., в которых в кавычки заключено лишь прилагательное «холодная», по мысли авторов, имеющее ярко выраженное переносное значение. *«Холодная» война, проводимая по указке Уолл-стритта правительством США, до недавнего времени имела в своей основе надежду недалевидных политиков на монопольное владение секретом атомной бомбы, атомным оружием* [Дело Ленина будет жить в веках // «Наука и жизнь», 1950]. Такое употребление слова «холодный» – в кавычках при слове «война» – тут же породило, как уже отмечалось, антонимическую единицу «„горячая” война»: *Началась «холодная» война, была опасность, что империализм навяжет нам новую «горячую» войну* [Н. Хрущев, *Воспоминания* (1971)].

Сочетание «горячая война», безусловно, несёт на себе печать вторичности, но с содержательной точки зрения вполне ожидаемо. В понятные семантические отношения вступает, прежде всего, эпитет «холодный», поэтому в кавычки, подчеркивающие эту вторичность, заключаются поначалу прилагательные.

Однако затем, путем естественной для русской картины мира градации качества «горячести / холодности», возникают сочетания, последовательно развивающие семантические тонкости этого качества: *Мы движемся если не к новой «холодной», то весьма «прохладной» войне* [Российская газета. Федеральный выпуск. № 0 (3287)]. *Типичный эпизод «тёплой» холодной войны: с провокациями, стрельбой и гибелью людей* [Д. Скулачёв, *Они были первыми* // «Наука и жизнь», 2009]. Заметим, что в кавычки заключаются эпитеты, раскрывающие «степень горячести» конфликта / противостояния, при которой «горячий» становится исходной содержательной формой.

В рамках рассматриваемого сочетания примерно такие же системные отношения демонстрирует и слово «война»; в этих случаях оно закавычивается целиком: *Годы после наступления «прохладного мира», а также опасные тенденции во внешней политике Запада после событий 11 сентября, по сути, подталкивающие «прохладный мир» к «горячим войнам», к сожалению, почти не поколебали, как это ни парадоксально, оптимизм руководства «большой евразийской тройки» в отношении перспектив мирового развития* [А. Яковлев, *Треугольнику Россия – Китай – Индия нужна стратегия дальних рубежей* // «Проблемы Дальнего Востока», 2002.10.28].

Устойчивость, частотность употребления сочетания «холодная война» в его основном, терминологическом значении, а также хорошо проработанный – и в специальной литературе, и в СМИ – собственно политологический смысл этого выражения, позволил авторам не пользоваться кавычками: переносное значение этого сочетания почти не ощущается, читатель хорошо понимает, что оно означает. *Несмотря на эти расхождения, совещание единогласно признало, что первой причиной венгерской трагедии были, с одной стороны, холодная война с долгими годами ненависти и недоверия, политики блоков, и с другой стороны, ошибки предшествующих правителей Венгрии и использование этих ошибок зарубежной пропагандой* [И.Г. Эренбург, *Люди, годы, жизнь. Книга 7 (1960–1965)*]. *Тогда-то американцы организовали «санитарный кордон» против нашей «экспансии», и началась холодная война* [Р.Г. Назиров, *Дневник (1964)*]. *Холодная война – это мирозерцание, которое введено, безусловно, нами* [Ю.К. Олеша, *Книга прощания (1930–1959)*].

Выражение «холодная война» неслучайно зафиксировано в словарях русского языка, отмечается его прямое терминологическое значение, не требующее кавычек.

Холодная война – нов. Враждебно-агрессивная политика [...] государств в условиях официального мира. *Это было уже в пору фултонской речи Черчилля, объявившего нам «холодную войну». А сейчас мы обмениваемся улыбками, учим иностранцев петь «Катюшу», строим кто как может, смеемся* (А. Кравецкий, *Память в бессонном карауле*) [Fedorov 1995: 72].

Холодная война – *полит.* Военно-политическая конфронтация социалистических и капиталистических государств после 2-й мировой войны [Mokienko, Nikitina 1998: 90].

В качестве синонима к устойчивому сочетанию «холодная война» в начале XXI в. стало активно использоваться выражение «информационная война», видимо, являющееся производным от «холодной войны» в связи с расширением в наше время возможностей информационных технологий, выступающих главным орудием «холодной войны». Метонимическое происхождение «информационной войны» от «холодной» подчеркивается в следующем контексте: *Для большинства обывателей гражданская война ассоциируется с тачанкой и буденовкой, но кроме «горячих» есть «холодные» войны, и еще неизвестно, какие из них более убийственны для страны и народа, пример тому – гибель нашей Родины, проигравшей «холодную» (информационную) войну* [М. Игорев, *Три аршина и земной шар* (2003) // «Советская Россия», 2003.02.15].

Очевидно, что выражение «холодная война», первоначально имевшее сугубо терминологическое (политическое / политологическое) употребление, получило широкое распространение в русском языке с момента его появления в 40-ые гг. XX в. Кавычки и другие типы письменной фиксации этого выражения в текстах русских СМИ разных лет демонстрируют различные «взгляды» на это явление: от понимания прямого – политического – значения «холодной войны» до фразеологического, идиоматического, когда прямым оказывается значение исконно переносное.

Некоторые круги Запада теперь стремятся возродить климат холодной войны и разъединить деятелей культуры, преданных делу мира и прогрессу [И.Г. Эренбург, *Люди, годы, жизнь. Книга 7* (1960–1965)]; *Если правительство нормальное и не собирается вступать на тропу холодной войны, то дело обычно заминается в течение месяца* [Н. Леонов, Н. Геворкян, *Кому мешают русские шпионы* // «Коммерсантъ-Власть», 1998].

Постановка, частичная постановка или непостановка кавычек при использовании словосочетания «холодная война» фиксирует, таким образом, ту текстовую функцию, которой наделяет его автор текста: в этом отношении исходное политическое значение этого выражения не всегда является основным.

Литература

- Fasmer M., 1986, *Ětimologičeskij slovar' russkogo âzyka*, vol. 1, Moskva: Pravda.
- Fedorov A.I. (ed.), 1995, *Frazeologičeskij slovar' russkogo literaturnogo âzyka konca XVIII–XX vv.*, Moskva: Topikal.
- Golev N.D., 2013, *Russkaâ pis'mennaâ razgovornaâ reč' i eë otraženie v obydennom metaâzykovom soznanii učastnikov virtual'noj kommunikacii*, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 5 (25), pp. 12–30.

- Kolesov V.V., 2002, *Filosofiâ russkogo slova*, Sankt-Peterburg: Ûna.
- Kolesov V.V., 2014, *Slovar' russkoj mental'nosti: v 2 t.*, Sankt-Peterburg: Zlatoust.
- Lâševskaâ O.N., Šarov O.A., 2009, *Novyj častotnyj slovar' russkoj leksiki*, <http://dict.ruslang.ru>; 20.02.2020.
- Mokienko V.M., Nikitina T.G., 1998, *Tolkovyj slovar' âzyka Sovdepii*, Sankt-Peterburg: Folio-Press.
- Nadžafov D.G., 2003, K voprosu o genezise holodnoj vojny [in:] N.I. Egorova, A.O. Čubar'ân (eds.), *Holodnaâ vojna: 1945–1963 gg. Istoričeskaâ retrospektiva*, Moskva: OLMA PRESS, pp. 65–103.
- Ožegov S.I., 1990, *Slovar' russkogo âzyka*, Moskva: Russkij âzyk.
- Roždestvenskij Û.V., 1995, Viktor Vladimirovich Vinogradov, *Vestnik MGU*, 1, pp. 51–54.
- Šubin A., 2013, *Holodnaâ vojna*, <https://www.krugosvet.ru>; 20.02.2020.
- Švarckopf B.S., 1997, «Â postavil kavyčki, potomu čto...» [in:] L.P. Krysin (ed.), *Oblik slova: Sbornik statej pamâti Dmitriâ Nikolaeviča Šmeleva*, Moskva: IRÂ RAN, pp. 374–381.
- Zaliznâk A.A., 2007, Semantika kavyček [in:] L.L. Iomdin, N.I. Lajfer, A.S. Narin'âni (eds.), *Komp'ûternaâ lingvistika i intellektual'nye tehnologii: Trudy meždunarodnoj konferencii «Dialog 2007»*, Moskva: Izd-vo RGGU, pp. 188–193.
- Žukova A.G., 2014, Kavyčki v diktante i vne ego, *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*, 13 (9), pp. 82–87.